

Единство нации и патриотизм

О хранении и приращении смыслов на историческом переломе

 Сергей Никольский

* * *

Новое время, наступившее в России весной этого года и еще не получившее своего завершения, вряд ли может быть адекватно осмыслено сегодня. Слишком много значимых событий – решающих, поворотных и кажущихся необратимыми – еще происходит или произошло буквально накануне. Но их вызревание интуитивно ощущалось загодя, начиная с 90-х, мастерами отечественного кино, наиболее чуткими к общественным переменам. Вспоминаю фильмы Николая Досталя «Облако-рай» – главу энциклопедии нашего общества, «Хрусталеv, машину!» Алексея Германа и «Счастье мое» Сергея Лозницы – эпикриз русского мира. И если в первой ленте герой вытесняется из обреченного на медленное умирание традиционного общества, но у нас еще остается надежда на продолжение их бытия, то в двух других – констатация факта смерти.

Летом 1927 года, накануне начала сталинского удушения страны, Андрей Платонов писал жене: «Тоска совсем нестерпимая, действительно предсмертная. Все как-то потухло и затмилось. ...Всюду растление и разврат». Минул без малого век. Но все еще бродит по России, говоря словами Светланы Алексиевич, «красный человек».

Было ли тогда легче, чем теперь? Вряд ли. Но страна не погибла. В немалой степени благодаря тому, что жили люди, которые хранили смыслы. Напомню о двух, содержание которых необходимо сберечь.

На развилке

Категории «нация» и «патриотизм» – из числа важнейших для жизни любого сообщества. Без их адекватного понимания распадается ткань бытия, разрывается связь времен. Общественное сознание теряет свою опору в прошлом – исчезает историческая память. Люди (осознанно или нет) не знают, как им жить в настоящем: нет общепринятого толкования базовых смыслов и ценностей. Сознание растеряно перед завтрашним днем – не знает, чего желать и не желать. Ситуация трудная. Но мы способны ее вынести. При одном условии: когда ясно сознаем, ради кого и для чего.

Сложность понимания действительности прежде всего обусловлена объективным положением страны – состоянием перехода от империи к национальному (гражданскому) государству. Наследовав еще от Византии самодержавие как принцип государственного устройства, благополучно похоронив верховенство права

и изуродовав идеи частной собственности и объединяющей миссии культуры, мы застряли на развилке между тупиком с покосившимся указателем «имперский путь» и общечеловеческой дорогой. Идти со всеми и к тому же не в первых рядах, нам мешает не только ложно понятая национальная гордость, но и сопротивление сложившихся в послесоветское время элит. Они боятся неизбежной в случае перемен ротации, изменения созданного ими строя жизни. Время утекает, а мы снова и снова тычемся своим паровозом в заросший бурьяном холм. Паровоз буксует, и бегающие по составу кондукторы все громче кричат о патриотизме и единстве нации.

Поиск Россией своей идентичности и на этой основе единения нации происходит на фоне процессов, начало которым было положено распадом СССР. При этом важнейшая мысль, которая сохранена народами страны, есть мысль об империи. Ею, империей, мы удивляли, восхищали и ужасали мир. Жизнь в империи не прошла даром. Она сформировала сознание, вошла в культуру россиян.

Иной, исторически неизбежной формой государственности является национальное государство. Но национальное государство в современном виде – это, конечно, не государство, в котором доминирует один из этносов, например русский. Так было с некоторыми странами двести лет назад. Теперь мир стал сложнее. Нация – понятие надэтническое, обозначающее гражданское единство. В национальном государстве граждане принадлежат к разным этносам, социальным группам, пользуются не только языком межнационального общения, но и иными языками, исповедуют разные религии. Объединяет их то, что все они признают верховенство права, а не религии или этнических обычаев, едины в толковании своей исторической судьбы и в культурной общности, в видении своего общего будущего.

Совместно с государством как общенациональным институтом граждане реализуют свои интересы в общенациональном деле – создании и поддержании свободного, демократического, открытого и миролюбивого общества. В сфере экономической жизни это общество построено на основах реализуемой в рамках права частной собственности и конкуренции, в сфере социальной жизни – на гарантированном в соответствии с уровнем экономического развития уровне благосостояния, на гуманитарных ценностях – доверии, сотрудничестве и взаимной поддержке. В таком обществе государство – не инструмент реализации воли правителя, а нанятый гражданами эффективный управляющий.

Национальное государство, идущее на смену империи, не учреждается одномоментно. Его появление – неспешный и неукоснительно культивируемый процесс, на укоренение которого требуется много времени. Национального гражданского государства не бывает без граждан, а чтобы люди стали гражданами, им нужно перестать быть подданными. Именно на этом пути люди становятся патриотами, возникает национальное единство.

Прошлое – поле борьбы

В создании национального государства, в выработке представлений об общих целях и путях дальнейшего общественного движения одно из центральных мест отводится исторической памяти. То, как в данной культуре понимается и толкуется (прославляется или преодолевается) прошлое, влияет на основные представления граждан о самих себе, о своей стране, о ее месте в мире.

В современных обществах прошлое активно исследуется, нередко пересматривается. Не является исключением и состоящая из множества этнонациональных регионов Россия. Трактовки целых периодов в истории нашей страны часто вызывают полемику. Хорошо, что до поры она не переходит на уровень противостояния социально-политических сил. Однако утешаться этим «до поры» могут лишь временщики из «квазиэлит».

Очевидно, что сегодня прошлое стало полем интеллектуальной борьбы. Иногда эту проблему пытаются решать либо насильственным навязыванием сверху единственно верного понимания истории, либо пытаясь уйти от ответов на вопросы, которые «травмируют» общественное сознание, либо посредством придания ей вида «счастливой» и запрета на любое иное ее толкование.

Такие варианты «воссоздания» исторической памяти не только ущербны, но и опасны. И не только потому, что надолго оставить без ответа насущные вопросы все равно не удастся. Главное – такой подход ведет к культурной деградации социальных слоев, от которых запрос исходит. Увертки и манипуляции с целью создания «красивого» прошлого невозможны без целенаправленного выведения общественного сознания за пределы культуры, без превращения массового сознания в сознание варварское, при котором правы всегда «мы – герои», а неправы всегда «они – злодеи». Но те, кто поступает так, встают на опасный путь превращения людей в людье. Последствия опасны, а их форма непредсказуема.

К тому же не все идет без неожиданностей. Не так давно в Чечне Рамзан Кадыров открыл мемориальный комплекс памяти жителей села Дадин-Юрт, погибших в сентябре 1819 года от рук русских колонизаторов. Это село по приказу генерала Ермолова было полностью сожжено, а жители, включая женщин, стариков и детей, уничтожены. Мемориал увековечивает память о 46 чеченских девушках, которые, по рассказам, при переходе через Терек бросились в воду и увлекли за собой конвоиров. Народ не пожелал забыть о трагическом эпизоде в своей жизни.

Кстати, уже Ермолов понимал, что залогом прочного закабаления присоединяемых к России народов должны быть изменения в их общественном сознании. Поэтому для мусульман Кавказа он лично составил молитву, в которой прославлялся император Александр I. Молитва, однако, не прижилась.

Присоединение каждого нового региона к России или к СССР имеет свою историю. Но часто оно происходило так, как об этом говорил Лев Толстой, обрисовывая ситуацию на Кавказе: здесь «русскими мужиками, обстриженными и одетыми в мундиры и вооруженными ружьями со штыками, убивались тысячи людей, защищавших свою свободу, свои дома и семьи». За это царские начальники «получали ордена и новые украшения на мундир».

Каждый народ, живущий в России, имеет знание о собственном прошлом, в котором есть не только светлые, объединяющие страницы, как, например, общая борьба против немецко-фашистских захватчиков во Второй мировой войне, но и страницы, нуждающиеся в объективной оценке. В какой мере мы готовы к непредвзятому переосмыслению нашего общего исторического прошлого и, если требуется, признанию исторической вины? Кроме покаяния и восстановления исторической справедливости люди не придумали иного зарюка от возможности повторения трагедии в будущем. Увиливание от исполнения этой обязанности делает наше будущее опасным.

Примеры лежат недалеко. Даже в научной среде сегодня по-прежнему есть имперские подходы к проблеме единства. Послушаем одного исследователя: «Присоединяем мы к себе народы или даже силой оружия покоряем – для их же Блага – с нами Бог! А если они с нами, то и с ними Бог. Россия потому и Россия, что она всегда права». Вот почему в содержательном анализе исторической памяти до сих пор остается актуальной выработанная в отечественной философии формула: «Важнейшая нравственная задача всякого национального самосознания – это отречение от национального эгоизма и его застарелых грехов».

Декретируемая сверху картина мира хорошо видна по плакатам советского образца: Родина и идеология там неразделимы. Фото РИА Новости

Общественное сознание представляет собой сложное, непрерывно меняющееся и трудноуловимое образование, которое формируется как в процессе восприятия внешнего мира, так и в результате рефлексии.

Приобщаясь к русской культуре, россияне воспринимают ряд базовых смыслов и ценностей. Их источником выступает прежде всего русская классическая литература. Известно, что в силу традиционного самодержавного характера русского государства философия как «наука о свободе» до конца XIX столетия пребывала в угнетенном состоянии. По этой причине труд размышлений о наиболее общих вопросах человеческого бытия взяла на себя отечественная классика. Так, начиная с Пушкина, едва ли не центральное место в русском мировоззрении занимает тема судьбы. Судьба – это отношения Онегина и Татьяны, персонажей «Капитанской дочки», жизнь Дуняши из «Станционного смотрителя», героев «Метели».

Гениальный продолжатель дела создания энциклопедии русского мировоззрения Иван Тургенев среди множества четко обозначенных его элементов едва ли не на первое место выносит ценность слитности русского человека с природным целым. Вспомним о таких персонажах «Записок охотника», как крестьянин Калиныч или Касьян с Красивой Мечи, который постоянно устремлен в сторону неведомой земли, в «которую кулички летят». Писатель напоминает нам: мы – органическая часть природного мира, обогащает наше сознание представлениями о том, что человеческая жизнь длится не только в реальном мире, но и за его пределами и, возможно, жизнь на земле – только подготовка к вечной жизни души.

Тема и смысл феномена смерти вообще чрезвычайно важны для отечественного сознания, что демонстрируется творчеством не только Тургенева, но Гоголя, Достоевского, Толстого. И к какому – светскому или религиозному началу –

отнести итоговую мысль рассказа Толстого «Смерть Ивана Ильича» о том, что естественный ужас человека перед лицом смерти преодолевается только любовью?

Небрежение этими смыслами лишает нас не только Родины, но превращает в варваров.

Усвоить уроки

К числу базовых оснований единения людей в национальном государстве кроме исторической памяти, смыслов и ценностей культуры относится патриотизм. Патриотизм – нравственный и политический принцип, равно как и социальное чувство, содержание которого – любовь к отечеству и готовность человека подчинить ему свои частные интересы.

Однако в наименовании «патриот» заключены сложные вопросы. Во-первых, наша страна, как любая другая, в своей истории и в настоящем бытии являет не только совокупность достойных и благих дел, но также дел недостойных, заслуживающих осуждения. Прославляя, гордясь и указывая как на пример на первые, мы, если хотим быть патриотами, должны осуждать вторые. Если же оправдывать и дела недостойные только потому, что они совершены нами, то это патриотизм эгоистичный, племенной. В том, что считать достойным и благим, а что – постыдным и вредным, от нас требуется согласие. А если такового нет, то возможны два пути. Осуждать свое Отечество, что обычно считается непатриотичным. Добросовестно заблуждаться или обманывать себя, закрывать на зло глаза.

Еще более сложно обстоит дело со второй частью определения патриотизма – подчинением частных интересов интересам отечества. Примеры, когда при наличии выбора между доминированием личного и общественного индивид принимает решение жертвовать личным ради общественного, к сожалению, не часты. К тому же ситуация, в которой приходится делать выбор, сегодня усложнилась. На содержание понятия «патриотизм» оказывает влияние глобализация. Сущностная ее особенность в том, что все большее число наций находится между собой не в пассивном контакте, а вовлекается в два разнонаправленных процесса. Это, во-первых, процесс все более усиливающегося сотрудничества и, во-вторых, возрастающей конкуренции. При этом сотрудничество в условиях глобализации эволюционирует в сторону целенаправленных и избирательных контактов, а конкурентные отношения приобретают характер абсолютный. И если раньше конкурировали территориями, ресурсами, продуктами деятельности, то сегодня наряду с этим – еще и качеством жизни и качеством самого человека. Во всем этом участвует человек, имеющий свободный выбор. И где он окажется – не предугадать.

Среди видов патриотизма также нужно выделить патриотизм государственный, когда государство выступает не как система, организующая жизнь общества в его собственных интересах, а как организованная эгоистичная корпорация. Такой патриотизм, навязываемый пропагандой, старается подмять под себя человека, игнорируя его интересы и знания, свободный выбор.

Патриотизм также может иметь и географическое измерение. В период гражданской войны в России в начале XX века крестьяне активно боролись против вторжений иностранных интервентов, но добровольно воевали лишь до тех пор, пока захватчики находились на близком расстоянии от их деревень. Поступали ли они патриотично? Несомненно. Но в этом случае мы наблюдаем патриотизм местный.

Впрочем, не стоит думать, что местный патриотизм – нечто второсортное. В душе человека у него есть своя ниша, и в отличие от патриотизма других видов он самый массовый. Вспомним Пушкина:

Два чувства дивно близки нам –

В них обретает сердце пищу –

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.

Среди видов патриотизма есть, наконец, патриотизм, нацеленный на желаемое будущее, часто жертвенный. Он был явлен декабристами: офицерами – организаторами восстания 14 декабря 1825 года, вышедшими, как писал А.И. Герцен, «сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия». Именно эти патриоты породили в своей интеллектуальной среде идеи ограничения самодержавия, выработки Конституции, отмены крепостного права, народного просвещения. Их интеллектуальный и нравственный импульс, равно как и поступок, – яркий образец высшего вида патриотизма – патриотизма просвещенного, гражданского.

Просвещение в связи с понятием патриотизма – то явление, о котором писал Иммануил Кант: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом!»

Подобно декабристам вели себя и семь диссидентов, в августе 1968 года протестовавшие на Красной площади против вторжения в Чехословакию войск Варшавского договора. В обоих случаях государство, а вместе с ним и большинство бездумного населения-подданных осудило и наказало «предателей». Однако история их оправдала. Как сделать так, чтобы урок наконец был усвоен?

Рецепт укоренения в обществе гражданского патриотизма одновременно сложен и прост. Составными частями согласованного развития интересов личности и государства выступают параллельно идущие процессы. По мере роста просвещенности человек становится гражданином, а государство, вставшее на путь изживания рудиментов империи, превращается в государство национальное. При этом национальное единство перестает быть предметом специальных, чаще всего напрасных усилий, поскольку возникает само собой.

* * *

Об авторе: Сергей Анатольевич Никольский – заместитель директора по научной работе Института философии РАН, доктор философских наук.